

Содержание

1. Безмолвие	5
2. Месяц спустя... все только начинается	28
3. Однажды темной ночью...	52
4. Неслучайный человек	77
5. Нежданно-негаданно...	101
6. Скандал в благородном семействе	118
6. Картинка и ее обратная сторона	137
8. Стоит иногда и оглянуться	155
9. Жизнь бьет ключом...	176
10. Договор беса с дьяволом	193
11. Реальность как она есть	212
12. Не все бывает так, как видится	226
13. Похищение и прочие неприятности	245
14. А вот и новый поворот	268
15. Мотылек в прострации.	290
16. Время негодяев	311
17. Старая история в новом обрамлении	334
18. Разбор полетов	346
19. Не оглядывайся назад	364

1. Безмолвие

День перевалил за полдень, ветер утих внезапно, будто выключили гигантский вентилятор, вокруг все замерло, как на картине, готовясь встретиться с вечером, потом погрузиться в ночь. Обязательно звездную, ведь на небе ни облачка, а за городом звезды сверкают чертовски ярко, чертовски притягательно.

И хочется чего-то эдакого... чего никогда не делал, стишок там написать, спеть, не имея ни голоса, ни слуха, допрыгнуть до луны, на руках станцевать «цыганочку». М-да, весной нечто романтическое так и норовит заполнить мозг глупыми эпитетами, образами, метафорами, даже если никогда стихов не писал, впрочем, и не собирался.

Видимо, Викентий примерно так думал, решила Милана, украдкой поглядывая на него, потому что, когда он выкручивал руль на кривой проселочной дороге, на его губах играла улыбка. Характер у нее скверный, как несправедливо думают некоторые, не удержалась она от скепсиса:

- Чего это ты лыбишься без повода, как блаженный?
- Ты мне? — бросил он, не глядя на нее.
- Я не знала, что здесь еще кто-то есть.

В сущности, Викентий привык к ядовитостям се-стрички жены, уж его-то она забрасывала ими не ску-пясь, однако сегодня он в итоге рассмеялся, а не огрыз-нулся по привычке. Затем обрисовал ближайшее буду-щее, которое радовало его, и чтобы на ее вечно кислой физиономии появилось хотя бы подобие улыбки.

— Повод есть. Сейчас как сядем за стол... Я чертов-ски устал за эту неделю, ведь у меня в клубе ремонт, ел абы что. А Ния обещала удивить нас кулинарными изысками...

— Только почему-то на звонки не отвечает, звоню ей, трубку не берет. Дуется, что ли? Любопытно, с ка-кого перепугу?

Покручивая руль, Викентий успокоил ее:

— Да бросила где-нибудь наверху сумку, а сама вни-зу. Приедем, отругай ее, а то и я не могу дозвониться.

— Сам ругаться не умеешь? Вот не сказала бы, что ты эстет.

— Я муж, блюду в семье комфортную атмосферу. — И через паузу размечтался: — Приедем — и все, никуда не надо спешить, спокойно выпьем вина... красного! Съедем по куску ароматного мяса, разве это не повод радоваться? А вечером разведем огонь и поджарим прямо в пламени перепелок!

— Понятно. А некоторые упрекают меня в обжор-стве. Не знаешь случайно, кто именно у нас бестактный?

Разумеется, намек на него, но Викентий, не обидев-шись, снова рассмеялся. Они подъехали к воротам. Он резво выскочил, чтобы их открыть, нужно всего-то просунуть руку между прутьями и отодвинуть изнутри массивную задвижку, когда уезжают, вешают на нее навесной замок. А ворота открыты, их только развести в стороны осталось. Викентий объехал загородный дом

и заглушил мотор под навесом рядом с машиной жены. Гараж еще не построен, несколько лет одни разговоры, что надо построить гараж, а пока обходятся надежным навесом, да и вокруг ограда из профильных труб, вполне надежно.

— Ния! — громко позвал Викентий, переступив порог дома. — Ния, встречай! Мы приехали! Где оркестр и бой барабанов?

Имя жены — Агния, домашние с детства называли ее Ния, что, по мнению Миланы, подходит ей — мягкой, ласковой, позитивной. А полное имя звучит как вызов, противостояние, в нем заключена сила, перечисленные свойства не соответствуют младшей сестре.

— Может, дашь и мне пройти? — буркнула сзади Милана.

— Ой, прости, — не оглянувшись, сказал он и вошел в дом.

Небольшую прихожую от гостиной отделяет арка, отсюда можно попасть на просторную кухню, куда и направилась Милана, чтобы отнести пакеты с продуктами.

— Же-на-а! — орал Вик. — Я привез Язву Георгиевну! Ау! Ты где?

Вернулась Милана, что характерно, она совершенна в своей бесстрастности, иногда кажется, удивить ее невозможно ничем, вывести из себя проблематично. Нет, она не флегма, не старуха, прожившая жизнь и сделавшая вывод: на этом свете ничто не стоит драгоценных нервных клеток. Милана женщина в самом расцвете сил и здоровья. Лишний вес, но не критичный, не мешает ей садиться на шпагат; тридцать шесть не приводят в уныние, напротив, это возраст деятельности, идей и успеха; на неудачи она смотрит свысока,

а главным своим достижением считает независимость, что позволить себе могут только королевы. Она довольна жизнью, однако отнюдь не оптимист, но и не пессимист, скорее реалист, мало кто пользуется ее доверием, пожалуй, одна Агния, остальные — так себе.

Из кухни она пришла явно озадаченной, на ее белом личике с бледно-голубыми глазами и матовым румянцем, будто нарисованным, но естественным, обозначилось недоумение. Оказывается, эмоции не чужды и ледяным статуям. Милана плюхнулась в кресло, вымолвив обиженным тоном:

— Судя по идеальному порядку, нас не ждали.

— На что ты намекаешь?

— Я намекаю? — пожала она плечами. — Изволь, скажу без намеков: обещанного угощения никто не собирался готовить, на кухне даже не пахнет едой.

— Тебе бы только о еде... — упав в кресло напротив, проворчал Викентий, без сомнения, озадаченный, он даже как-то сник. — Давно на диету пора сесть, скоро в дверной проем не втиснешься.

— Вот не надо, — вяло бросила Милана, не оскорбившись, еще чего. — Не надо преувеличивать, сам недавно слюной чуть не подавился. И вообще, хорошего человека должно быть много, вот смотри на меня и знай: перед тобой хороший человек. Хотя до идеала мне еще много килограммов наедать.

Ее попытки шутить Вик пропустил мимо ушей, он задумался, а она, видя отстраненность с его стороны, протянула руку к столику, взяла из вазы яблоко, которое аппетитно захрустело на ее крепких зубах. В паузе поглядывала на мужа сестры, у Миланы для него нашлось другое сокращение — Кент, почему-то ему не нравилось, мол, это блатной жаргон. А раз не нрави-

лось Викентию, то слетало с языка Миланы чаще, иногда вместе с утешением:

— Не злись, Кент. Во-первых, это вторая часть твоего имени: Ви-Кент-ий. А во-вторых, известны два города в Америке с названием Кент и графство в Англии есть, так что я тебя обзываю почти графом.

Издевалась. Немножко, чтобы позлить, так она же стерва по общепризнанному мнению. А если серьезно, Викентий не нравился ей, без причины не нравился, ничего плохого не сделал ни разу, напротив, доброжелателен и предупредителен. Ну, там шпильку вставит иногда, это не повод не любить мужа Агнии, хотя бы ради нее. Она ведь такая славная, милая, ее интеллектуальный уровень гораздо выше, однако предпочла взять именно Кента в мужа, а не более достойного. Милане всегда казалось, что он... никакой, внутренне никакой. Бог, впрочем, не обидел его, это что касается экстерьера, однако внешность находится в конфликте с внутренним содержанием, отсюда он получается какой-то усредненный, неинтересный в ее понимании

Пережевывая яблоко, она присмотрелась к нему заново, словно покупатель к товару, раньше он не занимал ее, однако повод есть изменить свое отношение: вон как разволновался, не застав свою Нию на месте. Ревнует. И это хорошо, значит, любит, за любовь ему можно простить невысокую планку. Наверное, все ее рассуждения и есть когнитивный диссонанс. Милана отвернулась, отгрызла большой кусок яблока, еле поместившийся во рту, и жевала, не желая заниматься скучным делом — аналитикой родственников.

— Куда она могла деться? — проговорил Викентий.

Посмотришь вот так прямо на него, вполне себе ничего: и рост, и фигура, и черты рожицы, а отвер-

нешься — и не помнишь, как он выглядит. Так было у нее, пока не привыкла к нему. Возможно, тонкие и острые черты лица виноваты, ее отталкивают подобные физиономии, есть в сладкой красивости какая-то неправда, вероятно, поэтому Викентий вываливался из памяти. До смешного доходило, когда не узнавала его, столкнувшись нос к носу, он решил, что родственница жены близорука. Милана не стала его переубеждать, не любительница она что-то там доказывать, все эти споры столько силы забирают... да ну их.

— Заснула Ния, что ли? — Внезапно Викентий подскочил, едва не испугав гостью резвостью. — Сбегаю наверх, посмотрю.

Как сайгак, он поскакал на второй этаж по крутой лестнице, за которую Милана пилила Агнию. Дом компактный, планировка продумана, исходя из функциональности: ни одна архитектурная деталь не должна занимать много места, но обязана быть удобной. Так вот лестница неудобная, подниматься еще ладно, можно руками ступеньки перебирать, как собака, а спускаться — смотришь вниз, и чудится: сейчас оступишься и шею свернешь.

Но Милана любила этот дом (кроме лестницы), здесь с ранней весны до глубокой осени классно расслабляешься, ради разнообразия можно покопаться в цветнике, сходить на причал и поплавать вместе с лягушками в пруду. В свое время дед Агнии успел ухватить участок с береговой частью даром, которую остаток жизни расчищал и углублял, отец продолжил.

— Слушай, — спускаясь по лестнице, подал голос потерянный Викентий, — Нии наверху нет. Ничего не понимаю... Куда она делась?

— Чего ты так всполошился? Может, окунуться пошла...

— Мы еще не открывали купальный сезон.

— Полагаю, она без твоего разрешения способна нырнуть в пруд, май вон какой теплый. Чего стоишь? Беги туда, ищи Нию на берегу.

Викентий умчался, словно укушенный, за помощью, а Милана поднялась с места, решив слегка размяться, то есть без цели побродить по гостинной, в окошко посмотреть, а то есть хочется... но к плите становиться не было желания. Сделав несколько шагов, она задержалась у камина. Если б Милана не была ленива, обязательно построила бы такой же компактный домик с балкончиками и камином, слушать по вечерам треск огня так упоительно...

— А это что? — озадачилась.

Она наклонилась, держась за колени руками и рассматривая на полу бордовое пятнышко с четкими краями размером с рублевую монету. А недалеко от пятна заметила несколько пятнышек поменьше.

— Что ты там ищешь? — послышался голос Викентия.

— Да вот смотрю и гадаю, что за пятна на полу, м?

Викентий приблизился, тоже согнулся, но сразу выпрямился и сказал так многозначительно, что Милана едва удержалась от смеха:

— Краска, я думаю... А ты почему спросила?

— Капли похожи на кровь, — выпрямилась и она.

— Что ты несешь, какая кровь, откуда? — запыхтел Викентий.

— Не кровь? — произнесла Милана, снова стоя буквой «Г» и присматриваясь к пятнам. — Тогда что вы красили? В бордово-красный цвет?

— Мы? — пожал он плечами. — Ничего не красили... Наверно, Ния надумала что-то... в бордовый...

— Покрасить? Сама? Что-то не замечала я за ней страсти к профессии маляра. Кстати, нашел ее? Она в пруду плавает?

— Нет ее там. Пирс пустой, только лодки и... и все.

— Но ты так быстро вернулся... — второй раз выпрямилась она.

— Я не спускался вниз. Зачем? Из беседки все как на ладони.

Сунув руки в карманы брюк, он водил растерянными глазами по гостиной, словно искал Агнию в вазах, на полках антикварного шкафа с книжными полками, за стопкой книг, даже рядом с маленьким бюстом Пушкина на каминной полке. Милана пожалела несчастного и дала ценный совет:

— Звонить не пробовал?

Он стукнул себя по лбу ладонью и кинулся в прихожую, где оставил свою сумку. Оттуда шел, глядя в смартфон. Вдруг... Раздался звонок, это звонил телефон Нии. Викентий огляделся, затем кинулся назад в прихожую, а вернулся со вторым телефоном, который трезвонил. Когда достал трубку жены из плоской сумки, та от его неловкости упала за шкафчик для обуви, Викентий не стал ее доставать, вернулся в гостиную, демонстрируя звонивший смартфон.

— Ну, вот, — снисходительно улыбнулась Милана, — Ния просто вышла и наверняка скоро вернется. Может, руку порезала? И побежала в село к фельдшеру.

— Думаешь, порезалась? — ужаснулся он.

— Дождемся и узнаем.

— А зачем ей бежать? У нее машина есть...

Этому тормозу приходится все объяснять:

— Да тут будешь выезжать — кровью истечешь, легче ножками сбегать.

— Хм... Разумно. — Он сел в кресло, машинально взял журнал, открыл его и замер. — Но почему не позвонила?

— Кент, вообще-то телефон Ния забыла.

— Я помню. Почему до того, как ушла, не позвонила?

— Вот ты зануда, — плюхнулась в кресло рядом с ним Милана, вырвала журнал из его рук. — Отдай! Этот журнальчик для красивых девушек вроде меня. Ждем Агнию. И не психуй, посмотри лучше телик.

Прошел час... Спокойно это время Викентий не провел, он то и дело подскакивал с места, выходил во двор, не выдержал и сбегал в фельдшерский пункт, вернулся и развел руками:

— Мила, Ния не приходила к фельдшерице.

— Нам ничего не остается, кроме как ждать ее. Я сварю кофе.

Прошел еще час. Викентий звонил приятелям, выясняя, не с ними ли Агния, в ответ слышал одно слово «нет». Милана делала вид, что не видит его метаний, кстати, вот главная черта, которая ее раздражала в муже сестры — он нервический пацан, короче, холерик. Для мужчины данное качество совсем не good, да и не качество это вовсе, а брак.

— Сколько можно ждать! — пыхнул неугомонный муж.

Милана уже хотела ответить в своем эксклюзивном стиле, который бесит Викентия, но он, решительно подойдя к окну, раздернул занавески, чтобы света стало больше, дело ведь шло к вечеру, и застыл. Окно па-